

УДК 911.37+332.13

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА: О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ОДНОГО УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА (о монографии «Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя»)

А.Н. Демьяненко

Демьяненко Александр Николаевич — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

DOI: 10.14530/se.2015.1.167-180

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Прежде всего, несколько слов о том, что это за проект и почему он увлекательный. Речь идет о совместном проекте московских и Санкт-петербургских географов, в основе которого крупномасштабное полевое исследование межстоличья, или коридора Москва — Санкт-Петербург. К огромному сожалению, инициатор этого проекта С.С. Артоболевский ушел из жизни до его завершения, что не умаляет его роли в комплексном исследовании, результаты которого нашли отражение в двухтомной монографии «Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя» [5; 6].

Что же касается прилагательного «увлекательный» по отношению к исследовательскому проекту, то оно появляется уже во «Введении» и очень верно подходит к характеристике проекта. Без немалой доли увлеченности такой проект не появился бы и не был осуществлен¹.

© Демьяненко А.Н., 2015

¹ Авторский коллектив обеих книг включал 12 человек, представляющих Институт географии РАН (К.В. Аверкиева, С.С. Артоболевский, Т.Л. Бородина, О.И. Вендина, Т.Г. Нефедова, С.А. Тархов и А.И. Трейвиш), Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (А.Г. Махрова, А. Неретина), Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Ю.А. Веденина, В.Н. Плужников) и Санкт-Петербургский государственный экономический университет (В.М. Разумовский). Следует отметить, что, несмотря на достаточно широкий круг авторов и тематическое разнообразие, научным редакторам (Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш) и руководителю проекта В.М. Разумовскому удалось добиться того, что двухтомная монография отличается логической выдержанностью и предстает перед читателем как результат законченного научного исследования, что для коллективных монографий — большая редкость.

Теперь уместно сказать о том, с какой целью был задуман проект. Сразу отметим — искать «цель исследования» не стоит, хотя через всю работу проходит поиск ответов на вопросы, сформулированные С.С. Артоболевским в «Предисловии от инициатора проекта», а именно: «Две столицы — везение для экономики страны или невезение? Дают ли они мощный кумулятивный эффект для значительной части российской территории или дело ограничится двумя столичными агломерациями и связями между ними (практически ничего не дающими прилегающим ареалам)?» [5, с. 6]. Чтобы ответить на эти вопросы, следует осуществить «анализ современного состояния территории, которую решили кратко называть межстоличьем, и показ ее эволюции, начиная, как минимум, со времен А.Н. Радищева» [5, с. 7].

Авторы отдавали себе отчет в том, что это потребует «не только крупномасштабного исследования и описания муниципальных районов, конкретных пунктов, но и обобщений, комплексного взгляда на все межстоличное пространство, его эволюцию и проблемы» [5, с. 8]¹.

Забегая вперед, отметим, что да, действительно, в монографии представлены результаты крупномасштабного исследования конкретных поселений и в то же время обобщения, многие из которых выходят за границы межстоличья, причем не только в географическом смысле. Дело в том, что целый ряд обобщений, к которым приходят авторы проекта, представляет интерес не только для географов, но и для специалистов из смежных областей, в том числе и экономистов-пространственников.

Заканчивая с вводными замечаниями, обратим внимание читателей на то, чего не следует ожидать от представляемой монографии: во-первых, это не справочник и не путеводитель, а во-вторых, это не собрание рекомендаций в адрес властей относительно обустройства подведомственных территорий.

Работа завершается следующей фразой: «Мы не можем давать кому бы то ни было категорические советы, рекомендации. С нашей стороны это было бы профанацией и превышением полномочий. Мы — всего лишь зеркало, отражающее (резко, точно или не очень) долговременные и сиюминутные сдвиги, ключевые и болевые места межстоличья, неотделимого от России, как сами ее столицы» [6, с. 342]. К этому можно добавить лишь одно: действительно, ни категоричных советов, ни тем более категоричных рекомендаций авторы обозреваемой монографии не дают, но в ряде случаев они вольно или невольно выходят, если и не на рекомендации, то на вполне осознанные обо-

¹ Попутно отметим, что этот подход к организации работ по проекту нашел отражение и в распределении результатов исследований. Если первая книга представляет собой собрание текстов, посвященных преимущественно общим вопросам относительно эволюции экономики и социальной сферы межстоличья, то во второй — приведены, прежде всего, результаты экспедиционных исследований конкретных поселений и районов.

снованные предложения. По большей части эти предложения адресованы, хотя и не напрямую, представителям власти и имеют отношение к возможным формам регулятивного воздействия на те или иные социальные и экономические процессы, протекающие в пределах межстоличья.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЕ ИЛИ О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ ПРОЕКТА

Чтобы невольно не ввести читателя в заблуждение, отметим, что в тексте обеих книг не найти таких слов, как «научно-исследовательская программа», «методология» или «методологическая платформа», это — слова рецензента. Но если принять во внимание, как минимум, два обстоятельства — во-первых, в неявном виде и то, и другое, и третье присутствуют в тексте монографии; во-вторых, рассматриваемую монографию можно поместить в один ряд с такими работами, как [2; 5], в которых вопросам методологии уделено немало места, — то появление вынесенных в название раздела слов представляется вполне оправданным.

Попробуем определить с положениями методологического свойства, лежащими в основе исследовательского проекта. Первое — «погружение в исследуемый объект» [2, с. 13], как его обозначила Т.Г. Нефедова (один из составителей и научных редакторов рассматриваемой монографии). То есть во главу угла участники проекта ставили непосредственное наблюдение, в ходе которого собиралась, а в последующем систематизировалась и анализировалась информация о повседневной жизни различных групп населения, проживающего в населенных пунктах различного типа в пределах исследуемой территории¹.

Еще одно положение, о котором следует обязательно упомянуть, это — полимасштабность, то есть рассмотрение объекта в различных масштабах. Относительно этого положения много и хорошо сказано в работах А.И. Трейвиша [5; 7]². Приведем лишь одну цитату, которая раскрывает эту важную позицию: «Принцип полимасштабности облегчает соединение двух типов структур и моделей развития объектов — *внутренних* и *внешних*» [7, с. 58].

¹ К сожалению, в тексте нет самой программы описания населенных пунктов и районов, но можно догадаться, что мы имеем дело с традиционным экономико-географическим описанием. Кстати, жанр практически вымерший, хотя, и об этом свидетельствуют результаты проекта, весьма полезный и не только в географических, но и в экономических исследованиях.

² Авторская позиция относительно принципа полимасштабности и его применения в исследовании пространственных объектов была изложена в рецензии [1] на книгу А.И. Трейвиша [5] и за прошедшие годы не изменилась.

Третье положение методологической платформы проекта – комплексность исследований территориального образования, которое авторы обозначают как межстоличье¹.

Теоретические конструкты, на которые опираются авторы проекта для того, чтобы объяснить, каким образом эволюционирует межстоличье, и сформулировать те или иные прогнозные предположения, представлены, в первую очередь, моделями «центр – периферия».

Особого упоминания заслуживает и гипотеза о нелинейном характере эволюции территориальной организации экономики и систем расселения, которая хотя и тестируется участниками проекта на материалах межстоличья, имеет более общий характер.

Выбор теоретических моделей и методологических подходов не мог не сказаться на характере используемого аналитического инструментария, который был организован таким образом, чтобы обеспечить сочетание двух направлений исследований: 1) «сверху» – от анализа данных национальной статистики до детальных обследований и характеристики конкретных мест и 2) «снизу» – от непосредственно наблюдаемого многообразия хозяйств и местностей до их типологий, подкрепленных доступной статистикой².

Вполне логичным и оправданным целями исследования представляется тот набор задач, который стоял перед экспедицией 2013 г.:

- «наблюдение природных ландшафтов, домов и промышленных зданий, полей, старинных усадеб, церквей и других памятников, анализ их состояния, а также движения на дорогах, активности торговли вдоль них и т. д.;
- разговоры с разными людьми – от облеченных властью и видящих территорию, достижения, проблемы «сверху» до местных жителей и дачников, которым те же успехи и провалы видны «снизу»³;
- сбор литературной, статистической, графической и прочей информа-

¹ Впрочем, в полной мере обеспечить комплексность исследования авторам проекта не удалось. Показательно, что С.С. Артоболевский – инициатор проекта – констатирует: «Очень жаль, что не удалось сделать его [т. е. исследовательский проект] полномасштабным. Нужно больше экспертов, больше времени, больше средств, больше заинтересованных лиц» [5, с. 5]. Не знаю, как насчет времени и средств – их всегда и всем не хватает, а вот то, что в работе над проектом не удалось привлечь физикогеографов, и прежде всего ландшафтоведов, не могло не сказаться. Наверное, оказались бы не лишними среди участников проекта и экономисты, и социологи.

² Этот подход был в свое время использован в более ранних работах участников проекта [2; 4].

³ Что касается «разговоров», а таких слов из обывденной речи в тексте немало, то это не совсем понятное упрощение языка научного исследования, которое, конечно, имеет право на существование. На самом деле за «разговорами» кроется не что иное, как «погружение в исследуемый объект», что потребовало использования методов социологических исследований, в частности, интервьюирования. И действительно, «участники экспедиции провели более 340 интервью со специалистами в разных областях, руководителями и сотрудниками предприятий, местными жителями» [6, с. 15].

ции, в том числе музейной, недоступной в Москве, но важной для понимания истории и современной жизни районов» [6, с. 14]¹.

При описании маршрута авторы следовали «двум принципам:

- историческому — от состояния во времена Радищева (или раньше) и от проблем, им вскрытых, до наших дней;
- географическому — разворачиванию информации от одной точки (бывшего яма, упоминаемого Радищевым) к поселению, муниципальному району и шире — к территории, пересекаемой современными дорогами, соединяющими Санкт-Петербург и Москву» [6, с. 16].

Рассматривая в совокупности методологические положения, теоретические конструкты и научные гипотезы и идеи, можно констатировать: читатель имеет дело с географическим исследованием.

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Заметим, что автор этих строк вовсе не ставил целью дать полноценную рецензию на двухтомную монографию; оставим это для специалистов, которые отличаются большей эрудицией и лучше ориентируются в том многообразии научных исследований, которые были выполнены отечественными общественными географами. Задача автора много проще — привлечь внимание негеографов к некоторым результатам географического исследования межстоличья.

Начнем с сюжета, который можно обозначить как феномен российского двустоличья. Столицы — это «территориальная элита, лидеры и витрины своих стран», причем «столицы бывают всякие» [5, с. 10]. Несмотря на то, что столицы бывают всякие, «столичный город — это не только деньги и власть, но и другие формы капитала» [5, с. 31].

Что же касается России, то «два с лишним века петербургского периода русской истории «двустоличность» — вопреки имперскому централизму — была важным свойством страны. С ней считались, она вошла в деловой, культурный, политический обиход (...), в мир улицы и деревни» [5, с. 16].

Но это было в петербургский период, а как сейчас? Ответ, который дает

¹ Естественно, что это общие для экспедиции задачи. По отдельным направлениям исследований имела место конкретизация задач. Так, изучение современного состояния и развития железнодорожной магистрали Москва — Санкт-Петербург потребовало решения следующих трех ключевых задач:

- «обследование текущего состояния, условий и результатов работы крупных пассажирских комплексов, расположенных на магистрали;
- фиксирование пассажиропотоков как в самих электропоездах, так и на крупных станциях — железнодорожных вокзалах и автовокзалах;
- обсуждение с работниками администраций, работниками транспортной отрасли и местными жителями вопросов, связанных с деятельностью железнодорожной магистрали, ее влиянием на развитие города, на транспортную подвижность местных жителей» [5, с. 87].

А.И. Трейвиш: «Межстоличная конкуренция почти исчезла, а она была и, в принципе, остается полезной. Если не доводить конкуренцию до острого конфликта (когда ее издержки для страны начинают перевешивать выгоды), то она лучше монополии. Состязание и сотрудничество двух непохожих столиц – позитивная черта нашей исторической географии в течение ряда столетий» [5, с. 24]. О том, что послужило причиной исчезновения конкуренции, можно судить из нижеследующего: «Агломерация Петербурга – Ленинграда уступает в России только Московской, но остается одинокой: соседние либо слишком далеки (и отделены государственными границами), либо просто маломощны и явно не дотягиваются до нее своими зонами. Снова и снова можно убедиться, что Москва сильна не только и порою не столько сама по себе, сколько своим сложным, развитым окружением» [5, с. 23].

Важное значение не только для межстоличья, но для территориальной организации российского общества имеет следующее положение: столичность проявляется не только в национальных масштабах, но и, как минимум, на уровне регионов, субъектов РФ. И уже по этой причине можно говорить о межстоличности как о довольно распространенном явлении.

Рассмотрим еще один сюжет, который Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш обозначали как «Территория межстоличья» [5, с. 35–62]. Зафиксировав уникальность межстоличья¹, авторы главы отмечают, что, несмотря на многомасштабность этого понятия, «оно сохраняет свои главные черты в любых выбранных рамках» [5, с. 39].

Что же представляют собой эти главные черты? Во-первых, «в целом это область *резких контрастов между центрами и периферией*» [5, с. 40]. Во-вторых, «скоростной транспорт, по развитию которого межстоличье выделяется на фоне страны, возмещает удаленность от центров скорее в теории» [5, с. 40]. Возможно, точнее будет сказать, что скоростной транспорт (автомобильный, железнодорожный и авиационный), сжимая расстояние между столицами, вовсе не приближает к столицам основную массу населения межстоличья.

Поэтому в межстоличье возникает ситуация, когда «чем скоростнее и транзитнее становился транспорт и трафик, тем менее комплексно и положительно их влияние на пересекаемое пространство» [5, с. 36]. И это еще одна главная черта межстоличья. Это неудивительно, если принять во внимание, что всего на магистрали девять железнодорожных узлов, из которых «лишь Бологое представляет собой относительно важный распределительный узел пассажиропотоков ... Главная причина отсталости остальных узлов – малая

¹ Правда, одно исключение они все-таки обнаружили: «На другом краю России дальневосточные «столицы» Хабаровск и Владивосток разделены той же дистанцией и территорией с похожими проблемами, хотя ее демо-экономическая масса скромнее» [5, с. 37].

интенсивность сообщения по примыкающим к ним второстепенным линиям...» [6, с. 97].

Анализируя урбанизационные процессы в пределах межстоличья, Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш пришли к выводу: «Никакой урбанизированной суперструктуры вроде мегалополиса между двумя российскими столицами нет и в обозримом будущем быть не может» [5, с. 45].

Пристального внимания заслуживает еще один сюжет — эволюция сельской местности и сельского хозяйства межстоличья. И хотя ему посвящена целая глава в первой книге, автором которой является Т.Г. Нефедова, этот сюжет на самом деле имеет сквозной характер.

Прежде всего, отметим, что в сельской местности наблюдается не просто сокращение численности населения, но и происходящее вслед за ним «разрушение системы расселения: во многих районах деревни с населением до 10 человек, преимущественно пенсионеров, достигали половины всех населенных пунктов» [5, с. 123]. При этом экономика сельской местности становится все более монофункциональной. Иначе говоря, происходит последовательное упрощение и системы расселения, и структуры экономики сельской местности.

Сельское хозяйство межстоличья претерпевает структурную перестройку. При этом «и сам кризис 1990-х, и структурная перестройка хозяйства были очень неравномерны. При общем сокращении производства более благополучная ситуация была в Ленинградской и Московской агломерациях» [5, с. 134].

Причина видится Т.Г. Нефедовой в том, что именно в пределах столичных агломераций происходит процесс формирования агрохолдингов¹, правда с российской спецификой, которая заключается в том, что «выращивание» холдингов идет «не от совокупности фермеров, как на Западе, а на базе бывшего колхоза или совхоза» [5, с. 138]. А как по-другому? Фермеры, как массовое явление, так и не появились в РФ.

Структурная перестройка сельской экономики и ее территориальной организации в пределах межстоличья проявилась, во-первых, в концентрации в немногих местах (поселениях) специализированных сельскохозяйственных предприятий, продукция которых ориентирована на столичные рынки продовольствия, во-вторых, в деградации малых сельхозпроизводителей, а вместе с ними и малых сельских поселений.

Изменения в структуре сельской экономики межстоличья в 2000-х гг. сопровождались не только ростом производства продукции животноводства, но и ростом эффективности производства. Однако ставка региональных

¹ И несмотря на то, что «есть отдельные примеры прихода холдингов или их филиалов в глубинку» [5, с. 138], все-таки производственные мощности этих крупных сельхозпроизводителей, как правило, располагаются в пристоличных местностях.

властей на крупных производителей сельскохозяйственной продукции, т. е. агрохолдинги в первую очередь, хотя и оправдана с точки зрения увеличения масштабов производства и пополнения региональных бюджетов, сопровождается нередко социальными потерями.

Вслед за авторами первой книги перейдем к рассмотрению такого крайне любопытного социального феномена, каковыми являются дачники.

В качестве отправной точки анализа зафиксируем, как это делают Т.Г. Нефедова и А.Г. Махрова, что дачники появились не сегодня и даже не вчера. Так, по данным авторов, в 1910-х гг. в окрестностях Москвы насчитывалось 180 дачных поселков с более чем 6 тыс. дач, население которых достигало в летние месяцы 40 тыс. человек, а накануне 1917 г. общее число подмосковных дач достигло 20 тыс. [5, с. 191].

Дачники начала XX в. очень отличаются от дачников XXI в.: если для «пионеров дачного движения» сам смысл владения дачами и их внешний вид служили свидетельством принадлежности к элите, то в настоящее время имеет место многообразие форм дачной жизни: от элитных коттеджных поселков до садово-огородных товариществ. При этом, как отмечают Т.Г. Нефедова и А.Г. Махрова, «зоны летнего «расползания» Москвы и Петербурга сомкнулись и пересеклись на Валдае» [5, с. 196]. Пожалуй, это единственный случай непосредственного взаимодействия жителей двух столиц на вполне конкретной территории.

О масштабах «дачного движения» в пределах столичных агломераций можно судить по следующим данным: на территории Московской области около 11,7 тыс. садово-дачных объединений с более чем 1,5 млн участков, а в пригородах Санкт-Петербурга на территории Ленинградской области расположено 540 тыс. участков.

Осталось лишь понять, каковы последствия этого явления. По мнению Т.Г. Нефедовой и А.Г. Махровой, таковых, как минимум, два. Первое – «идет вытеснение сельского населения и сельского образа жизни как такового» [5, с. 197] и второе – «массовое распространение сезонной дачной субурбанизации тормозит реальную субурбанизацию и дезурбанизацию в России, и вся межстоличная территория, «усеянная» дачниками, тому яркий пример» [5, с. 204].

Если вспомнить о том, что столицы бывают разными, в том числе и региональными, то следует признать, что дачниками «усеяна» не только территория между Москвой и Санкт-Петербургом, но и прилегающие к региональным столицам территории. Если что и удивляет, так это то, что дачный феномен, будучи, с одной стороны, несомненно, объектом междисциплинарных исследований, а с другой – объектом регулирования, до сих пор так и не попал в поле зрения исследователей (экономистов, социологов, в первую очередь) и органов власти и управления.

Далее логично перейти к рассмотрению еще одного элемента территориальной организации экономики и расселения населения — малым городам. И хотя составители поместили этот сюжет в 24-ю главу второй книги (автор — О.И. Вендина), резонно полагая, что Осташков, Торопец и Пушкинские Горы все-таки не совсем межстоличье, ибо находятся в стороне от трассы, но круг вопросов, рассмотренных в этой главе, имеет отношение не только к трем перечисленным выше малым городам¹: «Почему города, расположенные в одной и той же зоне и обладающие очень сходными историческими судьбами и ресурсами, демонстрируют в постсоветские годы такие разные траектории развития? Почему одни добиваются успеха, а другие деградируют? Какие факторы и обстоятельства это определяют?» [6, с. 308]. Скажем прямо: вопросы не для географического исследования, хотя, с другой стороны, почему бы и нет?

Что же является общим для малых исторических городов?

Во-первых, «жизнь в городах консервируется, а сами они превращаются в объекты «исторического наследия», хотя из наследия уцелело далеко не все» [6, с. 310]. Иначе говоря, малые исторические города обладают уникальным ресурсом — историческим наследием. Ресурсом весьма специфическим, обладающим крайне сложной природой: его можно рассматривать и как материальный, и как нематериальный актив. Его крайне трудно выявить и оценить, особенно на локальном уровне. Поэтому вовсе не случайно в результате возникают ситуации, когда «руководство города [Валдая], с одной стороны, понимает ценность имеющегося в городе исторического наследия, с другой стороны, не рассматривает его в качестве ресурса развития. Традиционная ситуация!» [6, с. 330].

Во-вторых, эффективное использование ресурса «историческое наследие» требует специфических управленческих технологий и соответствующих управленческих структур. Но, как правило, ни того, ни другого нет². В результате возникает конфликт интересов по поводу использования исторического наследия. Типичной представляется ситуация с уникальным музеем-заповедником «Михайловское», описанная О.И. Вендиной. Суть ее заключается в том, что «...господствующая точка зрения местной администрации: музей препятствует экономическому развитию района и его центра, создавая непреодолимые ограничения. Мнение заповедника: центр недооценивает зна-

¹ Что в целом согласуется с точкой зрения Ю.А. Веденина (автора следующей, 25-й главы «Проблемы сохранения исторического наследия на историческом пути Санкт-Петербург — Москва»), согласно которой «почти все города, расположенные на трассе Санкт-Петербург — Москва, должны быть отнесены к историческим поселениям» [6, с. 330].

² Показательна ситуация, возникшая в Осташкове: «Разделение властей усугубило конфликт, обнаружив при этом тесную связь между хозяйством города и района и полную неспособность местных властей прийти к согласованным действиям и решениям» [6, с. 314].

чимось музейной деятельностью для своего развития...» [6, с. 323]. А как администрация района может рассматривать музейную деятельность всерьез, если она не рассматривает индустрию туризма «как драйвер районной экономики», а рассматривает музей-заповедник в качестве конкурента, прежде всего, в сфере землепользования.

В-третьих, нередко ключевым фактором, обеспечивающим потенциал саморазвития малых исторических городов, становится доверие между властью и населением этих городов¹. Естественно, что доверие не возникает само по себе, как и по распоряжению вышестоящего начальства; процесс этот достаточно длительный и сложный, но если оно все-таки сформировалось, то становится достаточно мощным фактором саморазвития и отдельной организации, и поселенческой общности.

Наконец, особо следует отметить тот факт, что «сегодня малые города существуют в относительной изоляции (...), уровень знания друг о друге, даже на уровне одной области, очень низкий, а взаимной заинтересованности — нет. Партнеров хочется искать не среди «равных», а среди «богатых», стратегии сотрудничества кажутся менее надежными, чем покровительство» [6, с. 328].

Наверное, автор этих строк что-то упустил из описания проблемной ситуации, общей для малых исторических городов межстоличья (и не только), но основные черты все-таки обозначил. Поэтому логично также по необходимости кратко остановиться на возможных путях разрешения этой ситуации, предлагаемых авторами проекта.

Отметим, что на концептуальном уровне имеют место достаточно существенные различия. Преобладающая точка зрения — решение проблемы устойчивого экономического и социального развития малых исторических городов — видится через формирование стратегий, включающих наряду с промышленной политикой и политикой эффективного использования исторического наследия. Как показывает ситуация, сложившаяся в Пушкиногорском районе Псковской области, попытки администраций района и музея-заповедника выстраивать независимые стратегии ни к чему хорошему не приводят. К этому следует добавить, что хотя в настоящее время «идеи совместной деятельности малых городов в выстраивании проектов туристического развития ...соединяющего города соседних районов, наталкиваются на административные барьеры» [6, с. 320], тем не менее реализация этой идеи могла бы существенно повысить эффективность использования ресурса «историческое наследие».

¹ О.И. Вендина, рассматривая ситуацию, сложившуюся в Торопце, приходит к заключению, что «...именно это доверие, а не только промышленная политика, позволило сохранить город как локальное сообщество» [6, с. 322].

Другая точка зрения, которой последовательно придерживается Ю.А. Веденин, исходит из признания, что «...территория вдоль трассы Санкт-Петербург — Москва с определенной точки зрения — это культурный ландшафт. Очевидно, что такого рода объект может быть выделен в виде кластера, в основе формирования которого лежит система транспортных коммуникаций, объединяющих два столичных центра и ряд крупных промежуточных центров — губернских городов» [6, с. 327].

Здесь автор этих строк оказался в тупике: если речь идет о ландшафте, то независимо от того, что под ним подразумевается — природный комплекс, т. е. ландшафт в физико-географическом смысле, или ландшафт экономический, например, в понимании А. Лёша, это всегда некоторая территориальная целостность (система). Но, как вполне убедительно было показано в монографии, ни о какой урбанизационной суперструктуре говорить не приходится, не является территория межстоличья и целостным экономическим образованием¹, тогда не совсем понятно: почему он стал культурологической целостностью²? А вот что действительно интересно, так это предложение: «На территории трассы должна быть создана сеть музеев, посвященных теме дороги, путевым дворцам и почтовым станциям, людям, которые путешествовали по этим дорогам в разные годы, относящиеся к XVIII—XX векам» [6, с. 336].

Последний по счету, но не по значимости сюжет — волны трансформации межстоличья. Это сквозной сюжет, и практически все помещенные в монографии тексты в той или иной мере рассматривают, каким образом и под воздействием каких факторов менялось межстоличье в целом и отдельные районы и поселения в частности. Более того, в первой книге есть глава с достаточно красноречивым названием «Волны промышленного развития», автором которой является К.В. Аверкиева.

Не входя в детали, многие из которых крайне интересны, и не останавливаясь на рассмотрении авторских трактовок волновой природы экономической динамики межстоличья, крайне важно обратить внимание читателей на вывод, сформулированный Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем: «Мы знаем, что ничем не остановить волнообразную, неравномерную, нелинейную эволюцию экономической деятельности. Одни ее виды и формы возникают, ширятся и процветают, а другие отмирают, съеживаются, хиреют. Нам только

¹ Так, анализируя ход промышленного развития межстоличья, К.В. Аверкиева приходит к заключению: «Межстоличье никогда не выделялось в качестве единого индустриального района, полосы или цепочки центров, распадаясь, как минимум, на две части — Санкт-Петербургскую и Центрально-Московскую» [6, с. 146].

² Еще большее недоумение вызывает рассмотрение культурного ландшафта в качестве кластера. Все-таки как-никак, а это научный термин, а в силу того, что существуют различные подходы к его трактовке, было бы неплохо, как и в случае с «культурным ландшафтом», пояснить читателю авторскую позицию.

кажется, что лучшие образцы хозяйства, быта, культуры не должны исчезать бесследно, что это часть ресурсов наследия, подлежащего охране и неразрушающему использованию» [5, с. 229].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как бы ни хотелось избежать оценочных суждений и рекомендаций, законы жанра требуют своего. Итак, что имеем в сухом остатке? Добротное монографическое исследование, посвященное территориальному образованию, сформировавшемуся вдоль полимагистрали Санкт-Петербург – Москва. При этом участники проекта, они же авторы монографии, в основу своего исследования положили экспедиционные методы исследования, что позволило им выявить и описать основные черты эволюции межстоличья в различных масштабах: от национального до поселенного. Это позволило им, в конечном счете, дать стереоскопическое видение проблем территории, что крайне важно, так как без идентификации проблем, их локализации, сложно, если только возможно вообще, искать пути разрешения проблемных ситуаций.

Конечно, есть проблемы, присущие межстоличью, но есть проблемы и характерные для современной России в целом. И хотя в тексте монографии участники проекта подчеркнуто ограничивают себя заданными географическими границами, у автора этих строк нет таких ограничений. Поэтому он посчитал возможным привести следующую цитату из совместной публикации инициатора проекта С.С. Артоболевского и одного из научных редакторов А.И. Трейвиша: «Сдвиги внутрорегионального масштаба разнообразны, но чаще всего сводятся к сжатию освоенного пространства, стягиванию активной деятельности к немногим узлам и центрам. На периферии многих регионов отмечается истощение человеческого капитала и демо-экономическое опустынивание» [9, с. 215].

В значительной мере авторы «Путешествия из Петербурга в Москву: 222 года спустя» прилагают немалые усилия, чтобы показать, как и почему происходят не только позитивные, но и негативные изменения в пространственной организации экономики и в системах расселения населения.

Двухтомная монография «Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя» не только интересна, но и полезна. Она предназначена как географам, так и самому широкому кругу специалистов, интересующихся проблемами не только территории между двумя столицами, но и России в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьяненко А.Н. Развитие России глазами страноведа // *Пространственная экономика*. 2010. № 3. С. 155–172.
2. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
3. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
4. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006. 320 с.
5. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
6. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2. Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года) / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: ЛЕНАНД, 2015. 352 с.
7. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
8. Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М.: ИГ РАН, МАРС, 2010. С. 16–31.
9. Трейвиш А.И., Артоболевский С.С. Полимасштабные изменения социально-экономического пространства: факторы, условия и тенденции // *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез*. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 210–221.
10. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.

ST. PETERSBURG – MOSCOW: ON SOME RESULTS OF A FASCINATING PROJECT (about the Book «Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later»)

A.N. Demyanenko

Demyanenko Alexander Nikolaevich – Doctor of Sciences (Geography), Professor, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

REFERENCES

1. Demyanenko A.N. Development of Russia by Eyes of Researcher (about A.I. Treivish's Book «City, Area, Country and the World») *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2010, no. 3, pp. 155–172. (In Russian).
2. Nefedova T.G. *Ten Burning Issues About Rural Russia: Responses Geographer*. Moscow, 2013, 456 p. (In Russian).

3. Nefedova T.G. *Rural Russia at the Crossroads. Geographical Essays*. Moscow, 2003, 408 p. (In Russian).
4. Nefedova T.G., Pallot J. *Unknown Agriculture, or Why you Need a Cow?* Moscow, 2006, 320 p. (In Russian).
5. *Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later. Book 1. Two Centuries of Russian History between Moscow and St. Petersburg*. Edited by T.G. Nefedova, A.I. Treivish. Moscow, 2015, 240 p. (In Russian).
6. *Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later. Book 2. Journey from St. Petersburg to Moscow in the Twenty-First Century (According to the Results of the Expedition 2013)*. Edited by T.G. Nefedova, A.I. Treivish. Moscow, 2015, 352 p. (In Russian).
7. Treivish A.I. *City, Area, Country and the World. Development of Russia by Eyes of Researcher*. Moscow, 2009, 372 p. (In Russian).
8. Treivish A.I. «Compression» of Space: Interpretation and Model. *Compression of Socio-Economic Space: a New Theory of Regional Development and Practice of State Regulation*. Moscow: Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, 2010, pp. 16–31. (In Russian).
9. Treivish A.I., Artobolevskii S.S. Poly Scale Changing Socio-Economic Space: the Factors, Conditions and Trends. *Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: An Interdisciplinary Synthesis*. Moscow, 2013, pp. 210–221. (In Russian).
10. *Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: An Interdisciplinary Synthesis*. Moscow, 2013, 664 p. (In Russian).